Арбатская легенда

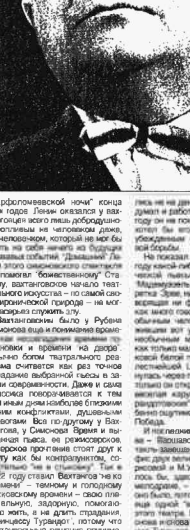
К 100-летию Рубена Симонова

Я никогда не видела Евгения Богратионовича Вахтангова. Когда было возможно, я еще не была поклонницей легендой. Но каждый раз, когда я встречалась с Рубеном Николаевичем Симоновым, а встречались мы часто, он любил студенческую молодежь, постоянно приходил на наши вечно-послевоенные питьевско-шуйские «тусовки», мне казалось, что я вижу... живого Вахтангова. Они были даже и внешне чем-то похожи: огненные глаза, «кавказско-национальный» нос с резкой горбинкой, в любье, самые темные дни страны – какое-то детское стремление к светлым тонам, этот безпречно-белый пластрон, словно крахмальной, рубашка, эта «красная» черная бабочка – своя вахтанговская Чайка, эти крахмально-оспелитушьи решала или сверженски взлетающие над репетициями и спектаклями, этот искрометный артистизм. И главное, что родненько, – всепоглощающая любовь к театру, единственной страсти всей жизни, единственной суде, единственному спасательному кругу на самых яростных волнах общественного быта.

Вахтанговским было в Симонове ощущение театра как вечно рождающихся молодых студий, как коллектива избранничества, коллектива не только профессионально, но и духовно близких людей, когда само имя учителя будит фантазию, само название спектакля – Принцесса Турандот" – определяло репертуар и жанр, особый режиссерскую мысль и непоторимое актерское творчество. Рубен Симонов, как и любые другие ученики Вахтангова, был в самом сердце "ужалон" блистательной "Принцессой Турандот", он пел перлотрать в ней почти всю жизнь, он видел, как работал Мастер, что хотел сказать сказкой современности. Вахтанговским было и Рубене Симонове это уникальное сочетание режиссерского таланта, новых идей постановщика, бережного выращивания актерских индивидуальностей, умного владения художественной педагогикой, великого организаторского дара. Я бы сказала, что вслед за Евгением Богратионовичем Рубен Николаевич обладал еще и особой, редкой – в дорогие энергией – создателя и менеджера, творца и импресарио одновременно. И, быть может, без всех этих "вахтанговских" качеств симоновской натуры не сохранился бы во всем своем блеске и сам Вахтанговский театр. Короля умер, да здравствует Король! – могло бы воскликнуть театральное братство, ощутив невосполнимость потери, осознав, что драгоценнейшая часть вахтанговского гения сохранилась в искусстве руководителя Театра имени Вахтанова – Рубена Симонова.

Вахтанговское жило в спектаклях Рубена Николаевича. Оставаясь в стороне бесконечно "советскую" дискуссию о том, были ли в Театре Вахтанова две тенденции – одна вахтанговско-симоновская, связанная с опыянюще импровизационной "Принцессой Турандот", другая – серьезная, идеологически выдержанная, в таких, к примеру, спектаклях, как "Егор Булычов". В Рубене Симонове вахтанговцы-симоновцы всегда были едины – они видели мир преувеличенно радостно и ярко, сказочно-гарбинской, в любье, самые темные дни страны – какое-то детское стремление к светлым тонам, этот безпречно-белый пластрон, словно крахмальной, рубашка, эта «красная» черная бабочка – своя вахтанговская Чайка, эти крахмально-оспелитушьи решала или сверженски взлетающие над репетициями и спектаклями, этот искрометный артистизм. И главное, что родненько, – всепоглощающая любовь к театру, единственной страсти всей жизни, единственной суде, единственному спасательному кругу на самых яростных волнах общественного быта.

Вахтанговским было в Симонове ощущение театра как вечно рождающихся молодых студий, как коллектива избранничества, коллектива не только профессионально, но и духовно близких людей, когда само имя учителя будит фантазию, само название спектакля – Принцесса Турандот" – определяло репертуар и жанр, особый режиссерскую мысль и непоторимое актерское творчество. Рубен Симонов, как и любые другие ученики Вахтангова, был в самом сердце "ужалон" блистательной "Принцессой Турандот", он пел перлотрать в ней почти всю жизнь, он видел, как работал Мастер, что хотел сказать сказкой современности. Вахтанговским было и Рубене Симонове это уникальное сочетание режиссерского таланта, новых идей постановщика, бережного выращивания актерских индивидуальностей, умного владения художественной педагогикой, великого организаторского дара. Я бы сказала, что вслед за Евгением Богратионовичем Рубен Николаевич обладал еще и особой, редкой – в дорогие энергией – создателя и менеджера, творца и импресарио одновременно. И, быть может, без всех этих "вахтанговских" качеств симоновской натуры не сохранился бы во всем своем блеске и сам Вахтанговский театр. Король умер, да здравствует Король! – могло бы воскликнуть театральное братство, ощутив невосполнимость потери, осознав, что драгоценнейшая часть вахтанговского гения сохранилась в искусстве руководителя Театра имени Вахтанова – Рубена Симонова.



"Варфоломеевской ночи" конца 30-х годов Ленин оказался у вахтанговцев всего лишь добродушно-простенько не человеком, а очень, не человеком, который не мог бы взять на себе ничего из будущей грязевой эпопеи. Дешевый Ленин этого симоновского спектакля не помогал "Комиссаржеве". Ступину, вахтанговское начало театрального искусства – по самой сути хранителю "Принцессы Турандот" – по мере сил и возможностей служить ему.

Вахтанговским было у Рубена Симонова еще и поиски времени вне как исследования времени постановки и времени на сцене. Обычно более театрального рассмешка считается как раз точное попадание выбранной пьесы в задачи современности. Даже и самая классика поворачивается к тем или иным дням наиболее близким к ним конфликтами, душевными тревогами. Все по-другому у Вахтангова, у Симонова. Время и выбранная пьеса, ее режиссерское, актерское прочтение стоят друг к другу как бы контрапунктом, сознательный чем в спектакле? Так в 1922 году ставит Вахтангов "не во время" – только в гоголевском "Ревизоре" – свою гиперболизацию, задорную, помогало дух жить, и не дать спрадить "Принцессу Турандот", потому что постановочные решения принимались не на день, но на век. Так же думал и работал Симонов. В 1937 году он не посвятил Ленина, каким его хотели видеть. Сталину, убежденным фанатиком классовой борьбы.

Но показан он и в 1944 военном году какой-либо грозной патриотической пьесы. На одном фронте Медведевой Нитри, легкая спектакля. Время ничего вроде бы не вторгнуло на Дарину, не тыцу. Но как много говорил этот спектакль обычным человеческим людям, жившим этот уже четыре года необычным мирным трагедии. И как только маленькая рука в гнилой белой перчатке, дочка предлестничной Целиковской, прикоснулась через пустой занавес, как только он открылся и завертелась мелодия карусель "Принцессы Турандотовской" вместе, зрители особенно ощутимо поняли, что близка Победа.

И поглощение спектакль Симонова – Вахтангова стоит – ... – ... – ...